

ЭДУАРД
ОСАДОВ

остров романтики

Annotation

Сборник лирических стихотворений поэта Эдуарда Асадова.

- [Эдуард Асадов](#)
  - [ЧУДАЧКА](#)
  - [ЗИМНЯЯ СКАЗКА](#)
  - [МНЕ УЖЕ НЕ ШЕСТНАДЦАТЬ, МАМА!](#)
  - [ДЕВУШКА](#)
  - [МОЕМУ СТАРОМУ ДРУГУ БОРИСУ ШПИЦБУРГУ](#)
  - [МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА](#)
  - [ЗОЛОТАЯ КРОВЬ](#)
  - [БАЛЛАДА О НЕНАВИСТИ И ЛЮБВИ](#)
  - [ОТЦЫ И ДЕТИ](#)
  - [РОМАНТИКИ ДАЛЬНИХ ДОРОГ](#)
  - [АРТИСТКА](#)
  - [В ЗЕМЛЯНКЕ](#)
  - [МОЯ ЗВЕЗДА](#)
  - [ОНИ СТУДЕНТАМИ БЫЛИ](#)
  - [ЦЫГАНЕ ПОЮТ](#)
  - [«Когда мне говорят о красоте...»](#)
  - [ОСТРОВ РОМАНТИКИ](#)
  - [УЛЕТАЮТ ПТИЦЫ](#)
  - [ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?](#)
  - [МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ](#)
  - [ТОЙ, КОТОРАЯ ЛЮБИТ ВЕРНО!](#)
  - [ОБИДНАЯ ЛЮБОВЬ](#)
  - [ТЫ НЕ СОМНЕВАЙСЯ](#)
  - [ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ](#)
  - [ОДНА](#)
  - [СТИХИ О РЫЖЕЙ ДВОРНЯГЕ](#)
  - [ДВА ПЕТУХА](#)
  - [КОГДА МНЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ В ЛЮДЯХ ДУРНОЕ...](#)
  - [ХВАСТУНЫ](#)
  - [СЕРДЕЧНАЯ ИСТОРИЯ](#)
  - [ПАДАЕТ СНЕГ](#)
  - [РАЗГОВОР С ДРУГОМ](#)
  - [ДОБРЫЙ ПРИНЦ](#)

- [ДНЕВНОЙ СВЕТА](#)
  - [ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК](#)
  - [ГОСТЬЯ](#)
  - [СТУДЕНТЫ](#)
  - [«Люблю я собаку за верный нрав...»](#)
  - [ПУСТЬ МЕНЯ ВОЛШЕБНИКОМ НАЗНАЧАТ](#)
  - [РАЗРЫВ](#)
  - [ПРЯМОЙ РАЗГОВОР](#)
  - [ВСЕ РАВНО Я ПРИДУ](#)
  - [ТРУСИХА](#)
  - [НА ПОРОГЕ ДВАДЦАТОЙ ВЕСНЫ](#)
  - [«САТАНА»](#)
  - [ПЕЛИКАН](#)
-

Эдуард Асадов
Остров Романтики

ЧУДАЧКА

Одни называют ее чудачкой
И пальцем на лоб — за спиной, тайком.
Другие — принцессою и гордячкой,
А третьи просто синим чулком.

Птицы и те попарно летают,
Душа стремится к душе живой.
Ребята подруг из кино провожают,
А эта одна убегает домой.

Зимы и весны цепочкой пестрой
Мчатся, бегут за звеном звено...
Подруги, порой невзрачные просто,
Смотришь — замуж вышли давно.

Вокруг твердят ей: — Пора решаться.
Мужчины не будут ведь ждать, учти!
Недолго и в девах вот так остаться!
Дело-то катится к тридцати...

Неужто не нравился даже никто?
Посмотрит мечтательными глазами:
— Нравиться нравились. Ну и что?
И удивленно пожмет плечами.

Какой же любви она ждет, какой?
Ей хочется крикнуть: «Любви-звездопада!
Красивой-красивой! Большой-большой!
А если я в жизни не встречу такой,
Тогда мне совсем никакой не надо!»

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Метелица, как медведица,
Весь вечер буянит зло,
То воет внизу под лестницей,
То лапой скребет стекло.

Дома под ветром сутулятся,
Плывут в молоке огоньки,
Стоят постовые на улицах,
Как белые снеговики.

Сугробы выгнули спины,
Пушистые, как из ваты,
И жмутся к домам машины,
Как зябнувшие щенята.

Кружится ветер белый,
Посвистывает на бегу...
Мне нужно заняться делом,
А я никак не могу.

Приемник бурчит бессвязно,
В доме прохладней к ночи,
Чайник мурлычет важно,
А закипать не хочет.

Все в мире сейчас загадочно,
Все будто летит куда-то,
Метельно, красиво, сказочно...
А сказкам я верю свято.

Сказка... мечта-полуночица...
Но где ее взять? Откуда?
А сердцу так чуда хочется,
Пусть маленького, но чуда!

До боли хочется верить,

Что сбудутся вдруг мечты,
Сквозь вьюгу звонок у двери
И вот на пороге ты!

Трепетная, смущенная,
Снится или не снится?!
Снегом запорошенная,
Звездочки на ресницах...

— Не ждал меня? Скажешь, дурочка?
А я вот явилась... Можно?
Сказка моя! Снегурочка!
Чудо мое невозможное!

Нет больше зимней ночи!
Сердцу хмельно и ярко!
Весело чай клокочет,
В доме, как в пекле, жарко...

Довольно! Хватит! Не буду!
Полночь... гудят провода...
Гаснут огни повсюду.
Я знаю: сбывается чудо,
Да только вот не всегда...

Метелица как медведица,
Косматая голова.
А сердцу все-таки верится
В несбыточные слова:

— Не ждал меня? Скажешь, дурочка?
Полночь гудит тревожная...
Где ты, моя Снегурочка,
Сказка моя невозможная?..

МНЕ УЖЕ НЕ ШЕСТНАДЦАТЬ, МАМА!

Ну что ты не спишь и все ждешь упрямо?
Не надо. Тревоги свои забудь.
Мне ведь уже не шестнадцать, мама!
Мне больше! И в этом, пожалуй, суть.

Я знаю, уж так повелось на свете,
И даже предчувствую твой ответ,
Что дети всегда для матери дети,
Пускай им хоть двадцать, хоть тридцать лет

И все же с годами былые средства
Как-то меняться уже должны.
И прежний надзор и контроль, как в детстве,
Уже обидны и не нужны.

Ведь есть же, ну, личное очень что-то!
Когда ж заставляют: скажи да скажи!
То этим нередко помимо охоты
Тебя вынуждают прибегнуть к лжи.

Родная моя, не смотри устало!
Любовь наша крепче еще теперь.
Ну разве ты плохо меня воспитала?
Верь мне, пожалуйста, очень верь!

И в страхе пусть сердце твое не бьется,
Ведь я по-глупому не влюблюсь,
Не выйду навстречу кому придется,
С дурной компанией не свяжусь.

И не полезу куда-то в яму,
Коль повстречаю в пути беду,
Я тотчас приду за советом, мама,
Сразу почувствую и приду.

Когда-то же надо ведь быть смелее,
А если порой поступлю не так,
Ну что ж, значит буду потом умнее,
И лучше синяк, чем стеклянный колпак.

Дай твои руки расцеловать,
Самые добрые в целом свете.
Не надо, мама, меня ревновать,
Дети, они же не вечно дети!

И ты не сиди у окна упрямо,
Готовя в душе за вопросом вопрос.
Мне ведь уже не шестнадцать, мама.
Пойми. И взгляни на меня всерьез.

Прошу тебя: выбрось из сердца грусть,
И пусть тревога тебя не точит.
Не бойся, родная. Я скоро вернусь!
Спи, мама. Спи крепко. Спокойной ночи!

ДЕВУШКА

Девушка, вспыхнув, читает письмо.
Девушка смотрит пытливо в трюмо.
Хочет найти и увидеть сама
То, что увидел автор письма.

Тонкие хвостики выцветших кос,
Глаз небольших синева без огней.
Где же «червонное пламя волос»?
Где две «бездонные глубины морей»?

Где же «классический профиль», когда
Здесь лишь кокетливо вздернутый нос?
«Белая кожа»... но, гляньте сюда,
Если он прав, то куда же тогда
Спрятать веснушки? Вот в чем вопрос!

Девушка снова читает письмо,
Снова с надеждою смотрит в трюмо.
Смотрит со скидками, смотрит пристрастно,
Ищет старательно, но... напрасно!

Ясно, он просто над ней пошутил.
Милая шутка! Но кто разрешил?!
Девушка сдвинула брови. Сейчас
Горькие слезы брызнут из глаз...

Как объяснить ей, чудачке, что это
Вовсе не шутка, что хитрости нету!
Просто, где вспыхнул сердечный накал,
Разом кончается правда зеркал!

Просто весь мир озаряется там
Радужным, синим, зеленым...
И лгут зеркала. Не верь зеркалам!
А верь лишь глазам влюбленным!

МОЕМУ СТАРОМУ ДРУГУ БОРИСУ ШПИЦБУРГУ

Над Киевом апрельский, журавлиный
Играет ветер клейкою листвою.
Эх, Борька, Борька! Друг ты мой старинный,
Ну вот и вновь мы встретились с тобой.

Под сводами завода «Арсенала»,
Куда стихи читать я приглашен,
Ты спрятался куда-то в гущу зала,
Мол, я не я и, дескать, он не он...

Ах ты мой скромник, милый чудачина!
Видать, таким ты будешь весь свой век.
Хоть в прошлом сквозь бои за Украину
Шагал отнюдь не робкий человек.

Вечерний город в звездах растворился,
А мы идем, идем по-над Днепром.
Нет, ты совсем, совсем не изменился,
Все так же ходишь чуточку плечом,

И так же ногу раненую ставишь,
И так же восклицаешь:- Это да!
И так же «р» отчаянно картавишь,
И так же прямодушен, как всегда.

Как два солдата летом и зимою,
Беря за перевалом перевал,
Уж двадцать с гаком дружим мы с тобою,
А кстати, «гак» не так уже и мал.

Но что, скажи, для нас с тобою годы?
Каких еще нам проб, каких преград?
Ведь если дружба рождена в невзгодах,
Она сильнее всех прочих во сто крат!

Ты помнишь госпитальную палату,
В которой всех нас было двадцать пять,
Где из троих и одного солдата,
Пожалуй, сложно было бы собрать...

Я трудным был. Порою брежу ночью,
Потом очнусь, а рядом ты сидишь,
И губы мне запекшиеся мочишь,
И что-нибудь смешное говоришь.

Моя сиделка с добрыми руками!
Нет, ничего я, Боря, не забыл:
Ни как читал ты книги мне часами,
Ни как, бывало, с ложечки кормил.

И в дни, когда со смертью в трудном споре
Меня хирург кромсал и зашивал,
Ты, верно, ждал за дверью в коридоре
Сидел и ждал. И я об этом знал.

И все же, как нам ни бывало горько,
Мы часто были с шуткою на «ты»
И хохотали так, ты помнишь, Борька,
Что чуть порой не лопались бинты?!

А помнишь, вышло раз наоборот:
Был в лежку ты, а я кормить пытался,
И как сквозь боль ты вдруг расхохотался,
Когда я пролил в нос тебе компот.

Эх, Борька, Борька! Сколько звонких лет
С тех пор уплыло вешним ледоходом?
А дружбе нашей, видно, сносу нет,
Она лишь все надежней с каждым годом.

И хоть не часто видимся порою,
Ведь тыща верст и сотни разных дел...
Но в трудный час любой из нас с тобою
За друга бы и в пекло не сробел!

Мы хорошо, мы горячо живем
И ничего не делаем халтурно:
Ни ты, я знаю, в цехе заводском,
Ни я, поверь, в цеху литературном!

Уже рассвет над Киевом встает,
Ну вот и вновь нам надо расставаться.
Тебе, наверно, скоро на завод,
А мне в Москву... В дорогу собираться...

Не смей, злодей, покашливать так горько!
Не то и я... Я тоже ведь живой...
Дай поцелую... добрый, славный мой...
Мой лучший друг! Мой самый светлый, Борька!..

МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Могила Неизвестного солдата!
О, сколько их от Волги до Карпат!
В дыму сражений вырытых когда-то
Саперными лопатами солдат.

Зеленый горький холмик у дороги,
В котором навсегда погребены
Мечты, надежды, думы и тревоги
Безвестного защитника страны.

Кто был в боях и знает край передний,
Кто на войне товарища терял,
Тот боль и ярость полностью познал,
Когда копал «окоп» ему последний.

За маршем — марш, за боем — новый бой!
Когда же было строить обелиски?!
Доска да карандашные огрызки,
Ведь вот и все, что было под рукой!

Последний «послужной листок» солдата:
«Иван Фомин», и больше ничего.
А чуть пониже две коротких даты
Рождения и гибели его.

Но две недели ливневых дождей,
И остается только темно-серый
Кусок промокшей, вздувшейся фанеры,
И никакой фамилии на ней.

За сотни верст сражаются ребята.
А здесь, от речки в двадцати шагах,
Зеленый холмик в полевых цветах
Могила Неизвестного солдата...

Но Родина не забывает павшего!
Как мать не забывает никогда
Ни павшего, ни без вести пропавшего,
Того, кто жив для матери всегда!

Да, мужеству забвенья не бывает.
Вот почему погибшего в бою
Старшины на поверке выкликают
Как воина, стоящего в строю!

И потому в знак памяти сердечной
По всей стране от Волги до Карпат
В живых цветах и день и ночь горят
Лучи родной звезды пятиконечной.

Лучи летят торжественно и свято,
Чтоб встретиться в пожатии немом,
Над прахом Неизвестного солдата,
Что спит в земле перед седым Кремлем!

И от лучей багровое, как знамя,
Весенним днем фанфарами звеня,
Как символ славы возгорелось пламя
Святое пламя вечного огня!

ЗОЛОТАЯ КРОВЬ

«Ученые Грузии нашли золото
в составе крови человека».
(Из журнальной статьи)
Не так давно ученые открыли
Пусть небольшой, но золотой запас.
Они его не в рудниках отрыли,
Они его нашли в крови у нас.

И пусть всего-то малая частица,
Не в этом суть, а суть, наверно, в том,
Что в нашем сердце золото стучится,
И мы весь век живем, как говорится,
Согреты этим золотым огнем.

Мы знаем фразу: «золотые руки!»
Иль, скажем: «Золотая россыпь слов!»
Теперь буквально с помощью науки
Сказать мы вправе: «Золотая кровь!»

И может быть, с момента первородства,
Чем было больше золота в крови,
Тем больше было в людях благородства,
И мужества, и чести, и любви.

И я уверен в том, что у Чапая,
У Фучика, у Зои, у таких,
Кто отдал жизнь, не дрогнув, за других,
Струилась кровь по жилам золотая!

И право, пусть отныне медицина,
Ребят готовя в трудные бои,
Глядит не на процент гемоглобина,
А на проценты золота в крови.

И нет верней проверки на любовь,
На мужество и стойкость до конца.

Где полыхает золотая кровь,
Там бьются настоящие сердца!

БАЛЛАДА О НЕНАВИСТИ И ЛЮБВИ

I

Метель ревет, как седой исполин,
Вторые сутки не утихая,
Ревет, как пятьсот самолетных турбин,
И нет ей, проклятой, конца и края!

Пляшет огромным белым костром,
Глушит моторы и гасит фары.
В замяти снежной аэродром,
Служебные здания и ангары.

В прокуренной комнате тусклый свет,
Вторые сутки не спит радист.
Он ловит, он слушает треск и свист,
Все ждут напряженно: жив или нет?

Радист кивает: — Пока еще да,
Но боль ему не дает распрямиться.
А он еще шутит: «Мол, вот беда
Левая плоскость моя никуда!
Скорее всего перелом ключицы...»

Где-то буран, ни огня, ни звезды
Над местом аварии самолета.
Лишь снег замечает обломков следы
Да замерзающего пилота.

Ищут тракторы день и ночь,
Да только впустую. До слез обидно.
Разве найти тут, разве помочь
Руки в полуметре от фар не видно?

А он понимает, а он и не ждет,
Лежа в ложбинке, что станет гробом.

Трактор если даже придет,
То все равно в двух шагах пройдет
И не заметит его под сугробом.

Сейчас любая зазря операция.
И все-таки жизнь покуда слышна.
Слышна ведь его портативная рация
Чудом каким-то, но спасена.

Встать бы, но боль обжигает бок,
Теплой крови полон сапог,
Она, остывая, смерзается в лед,
Снег набивается в нос и рот.

Что перебито? Понять нельзя.
Но только не двинуться, не шагнуть!
Вот и окончен, видать, твой путь!
А где-то сынишка, жена, друзья...

Где-то комната, свет, тепло...
Не надо об этом! В глазах темнеет...
Снегом, наверно, на метр замело.
Тело сонливо деревенеет...

А в шлемофоне звучат слова:
— Алло! Ты слышишь? Держись, дружище! —
Тупо кружится голова...
— Алло! Мужайся! Тебя разыщут!..

Мужайся? Да что он, пацан или трус?!
В каких ведь бывал переделках грозных.
— Спасибо... Вас понял... Пока держусь!
А про себя добавляет: «Боюсь,
Что будет все, кажется, слишком поздно...»

Совсем чугунная голова.
Кончаются в рации батареи.
Их хватит еще на час или два.
Как бревна руки... спина немеет...

— Алло! — это, кажется, генерал. —
Держитесь, родной, вас найдут, откопают...
Странно: слова звенят, как кристалл,
Бьются, стучат, как в броню металл,
А в мозг остывший почти не влетают...

Чтоб стать вдруг счастливейшим на земле,
Как мало, наверное, необходимо:
Замерзнув вконец, оказаться в тепле,
Где доброе слово да чай на столе,
Спирта глоток да затяжка дыма...

Опять в шлемофоне шуршит тишина.
Потом сквозь метельное завыванье:
— Алло! Здесь в рубке твоя жена!
Сейчас ты услышишь ее. Вниманье!

С минуту гуденье тугой волны,
Какие-то шорохи, трески, пiski,
И вдруг далекий голос жены,
До боли знакомый, до жути близкий!

— Не знаю, что делать и что сказать.
Милый, ты сам ведь отлично знаешь,
Что, если даже совсем замерзаешь,
Надо выдержать, устоять!

Хорошая, светлая, дорогая!
Ну как объяснить ей в конце концов,
Что он не нарочно же здесь погибает,
Что боль даже слабо вздохнуть мешает
И правде надо смотреть в лицо.

— Послушай! Синоптики дали ответ:
Буря окончится через сутки.
Продержишься? Да? — К сожалению, нет...
— Как нет? Да ты не в своем рассудке!

Увы, все глуше звучат слова.
Развязка, вот она — как ни тяжело.

Живет еще только одна голова,
А тело — остывшая деревяшка.

А голос кричит: — Ты слышишь, ты слышишь?!
Держись! Часов через пять рассвет.
Ведь ты же живешь еще! Ты же дышишь?!
Ну есть ли хоть шанс? — К сожалению, нет...

Ни звука. Молчанье. Наверно, плачет.
Как трудно последний привет послать!
И вдруг: — Раз так, я должна сказать!
Голос резкий, нельзя узнать.
Странно. Что это может значить?

— Поверь, мне горько тебе говорить.
Еще вчера я б от страха скрыла.
Но раз ты сказал, что тебе не дожить,
То лучше, чтоб после себя не корить,
Сказать тебе коротко все, что было.

Знай же, что я дрянная жена
И стою любого худого слова.
Я вот уже год тебе не верна
И вот уже год, как люблю другого!

О, как я страдала, встречая пламя
Твоих горячих восточных глаз. —
Он молча слушал ее рассказ,
Слушал, может, последний раз,
Сухую былинку зажав зубами.

— Вот так целый год я лгала, скрывала,
Но это от страха, а не со зла.
— Скажи мне имя!.. Она помолчала,
Потом, как ударив, имя сказала,
Лучшего друга его назвала!

Затем добавила торопливо:
— Мы улетаем на днях на юг.
Здесь трудно нам было бы жить счастливо.

Быть может, все это не так красиво,
Но он не совсем уж бесчестный друг.

Он просто не смел бы, не мог, как и я,
Выдержать, встретясь с твоими глазами.
За сына не бойся. Он едет с нами.
Теперь все заново: жизнь и семья.

Прости. Не ко времени эти слова.
Но больше не будет иного времени.
Он слушает молча. Горит голова...
И словно бы молот стучит по темени...

— Как жаль, что тебе ничем не поможешь!
Судьба перепутала все пути.
Прощай! Не сердись и прости, если можешь!
За подлость и радость мою прости!

Полгода прошло или полчаса?
Наверно, кончились батареи.
Все дальше, все тише шумы... голоса...
Лишь сердце стучит все сильнее и сильнее!

Оно грохочет и бьет в виски!
Оно полыхает огнем и ядом.
Оно разрывается на куски!
Что больше в нем: ярости или тоски?
Взвешивать поздно, да и не надо!

Обида волной заливает кровь.
Перед глазами сплошной туман.
Где дружба на свете и где любовь?
Их нету! И ветер как эхо вновь:
Их нету! Все подлость и все обман!

Ему в снегу суждено подыхать,
Как псу, коченея под стоны вьюги,
Чтоб два предателя там, на юге,
Со смехом бутылку открыв на досуге,
Могли поминки по нем справлять?!

Они совсем затиранят мальчика
И будут усердствовать до конца,
Чтоб вбить ему в голову имя другого
И вырвать из памяти имя отца!

И все-таки светлая вера дана
Душонке трехлетнего пацана.
Сын слушает гул самолетов и ждет.
А он замерзает, а он не придет!

Сердце грохочет, стучит в виски,
Взведенное, словно курок нагана.
От нежности, ярости и тоски
Оно разрывается на куски.
А все-таки рано сдаваться, рано!

Эх, силы! Откуда вас взять, откуда?
Но тут ведь на карту не жизнь, а честь!
Чудо? Вы скажете, нужно чудо?
Так пусть же! Считайте, что чудо есть!

Надо любой ценой подняться
И всем существом, устремясь вперед,
Грудью от мерзлой земли оторваться,
Как самолет, что не хочет сдаваться,
А сбитый, снова идет на взлет!

Боль подступает такая, что кажется,
Замертво рухнешь назад, ничком!
И все-таки он, хрипя, поднимается.
Чудо, как видите, совершается!
Впрочем, о чуде потом, потом...

Швыряет буран ледяную соль,
Но тело горит, будто жарким летом,
Сердце колотится в горле где-то,
Багровая ярость да черная боль!

Вдали сквозь дикую карусель

Глаза мальчишки, что верно ждут,
Они большие, во всю метель,
Они, как компас, его ведут!

— Не выйдет! Неправда, не пропаду! —
Он жив. Он двигается, ползет!
Встает, качается на ходу,
Падает снова и вновь встает...

II

К полудню буран захирел и сдал.
Упал и рассыпался вдруг на части.
Упал, будто срезанный наповал,
Выпустив солнце из белой пасти.

Он сдал, в предчувствии скорой весны,
Оставив после ночной операции
На чахлых кустах клочки седины,
Как белые флаги капитуляции.

Идет на бреющем вертолет,
Ломая безмолвие тишины.
Шестой разворот, седьмой разворот,
Он ищет... ищет... и вот, и вот
Темная точка средь белизны!

Скорее! От рева земля тряслась.
Скорее! Ну что там: зверь? Человек?
Точка качнулась, приподнялась
И рухнула снова в глубокий снег...

Все ближе, все ниже... Довольно! Стоп!
Ровно и плавно гудят машины.
И первой без лесенки прямо в сугроб
Метнулась женщина из кабины!

Припала к мужу: — Ты жив, ты жив!

Я знала... Все будет так, не иначе!.. —
И, шею бережно обхватив,
Что-то шептала, смеясь и плача.

Дрожа, целовала, как в полусне,
Замерзшие руки, лицо и губы.
А он еле слышно, с трудом, сквозь зубы:
— Не смей... ты сама же сказала мне...

— Молчи! Не надо! Все бред, все бред!
Какой же меркой меня ты мерил?
Как мог ты верить?! А впрочем, нет,
Какое счастье, что ты поверил!

Я знала, я знала характер твой!
Все рушилось, гибло... хоть вой, хоть реви!
И нужен был шанс, последний, любой!
А ненависть может гореть порой Даже сильнее любви!

И вот, говорю, а сама трясусь,
Играю какого-то подлеца.
И все боюсь, что сейчас сорвусь,
Что-нибудь выкрикну, разревусь,
Не выдержав до конца!

Прости же за горечь, любимый мой!
Всю жизнь за один, за один твой взгляд,
Да я, как дура, пойду за тобой,
Хоть к черту! Хоть в пекло! Хоть в самый ад!

И были такими глаза ее,
Глаза, что любили и тосковали,
Таким они светом сейчас сияли,
Что он посмотрел в них и понял все!

И, полузамерзший, полуживой,
Он стал вдруг счастливейшим на планете.
Ненависть, как ни сильна порой,
Не самая сильная вещь на свете!

ОТЦЫ И ДЕТИ

Сегодня я слово хочу сказать
Всем тем, кому золотых семнадцать,
Кому окрыленных, веселых двадцать,
Кому удивительных двадцать пять.

По-моему, это пустой разговор,
Когда утверждают, что есть на свете
Какой-то нелепый, извечный спор,
В котором воюют отцы и дети.

Пускай болтуны что хотят твердят,
У нас же не две, а одна дорога.
И я бы хотел вам, как старший брат,
О ваших отцах рассказать немного.

Когда веселитесь вы или даже
Танцуете так, что дрожит звезда,
Вам кто-то порой с осуждением скажет:
— А мы не такими были тогда!

Вы строгою меркою их не мерьте.
Пускай. Ворчуны же всегда правы!
Вы только, пожалуйста, им не верьте.
Мы были такими же, как и вы.

Мы тоже считались порой пижонами
И были горласты в своей правоте,
А если не очень-то были модными,
То просто возможности были не те.

Когда ж танцевали мы или бузили
Да так, что срывалась с небес звезда,
Мы тоже слышали иногда:
— Нет, мы не такими когда-то были!

Мы бурно дружили, мы жарко мечтали.

И все же порою — чего скрывать! —
Мы в парты девочкам мышей совали,
Дурили. Скелетам усы рисовали,
И нам, как и вам, в дневниках писали:
«Пусть явится в срочном порядке мать!»

И все-таки в главном, большом, серьезном
Мы шли не колеблясь, мы прямо шли.
И в лихолетьи свинцово-грозном,
Мы на экзамене самом сложном
Не провалились. Не подвели.

Поверьте, это совсем не просто
Жить так, чтоб гордилась тобой страна,
Когда тебе вовсе еще не по росту
Шинель, оружие и война.

Но шли ребята, назло ветрам,
И умирали, не встретив зрелость,
По рощам, балкам и по лесам,
А было им столько же, сколько вам,
И жить им, конечно, до слез хотелось.

За вас, за мечты, за весну ваших снов,
Погибли ровесники ваши — солдаты:
Мальчишки, не брившие даже усов,
И не слышавшие нежных слов,
Еще не целованные девочки.

Я знаю их, встретивших смерть в бою.
Я вправе рассказывать вам об этом,
Ведь сам я, лишь выживший чудом, стою
Меж их темнотою и вашим светом.

Но те, что погибли, и те, что пришли,
Хотели, надеялись и мечтали,
Чтоб вы, их наследники, в светлой дали
Большое и звонкое счастье земли
Надежно и прочно потом держали.

Но быть хорошими, значит ли жить
Стерильными ангелочками?
Ни станцевать, ни спеть, ни сострить,
Ни выпить пива, ни закурить,
Короче: крахмально белея, быть
Платочками-уголочками?!

Кому это нужно и для чего?
Не бойтесь шуметь нисколько.
Резкими будете — ничего!
И даже дерзкими — ничего!
Вот бойтесь цинизма только.

И суть не в новейшем покрое брюк,
Не в платьях, порой кричащих,
А в правде, а в честном пожатье рук
И в ваших делах настоящих.

Конечно, не дай только бог, ребята,
Но знаю я, если хлестнет гроза,
Вы твердо посмотрите ей в глаза
Так же, как мы смотрели когда-то.

И вы хулителям всех мастей
Не верьте. Нет никакой на свете
Нелепой проблемы «отцов и детей»,
Есть близкие люди: отцы и дети!

Идите ж навстречу ветрам событий,
И пусть вам всю жизнь поют соловьи.
Красивой мечты вам, друзья мои!
Счастливых дорог и больших открытий!

РОМАНТИКИ ДАЛЬНИХ ДОРОГ

Прихлынет тоска или попросту скука
Однажды присядет к тебе на порог,
Ты знай, что на свете есть славная штука
Романтика дальних и трудных дорог.

Конечно же, есть экзотичные страны:
Слоны и жирафы средь зелени вечной,
Где ночью на пальмах кричат обезьяны
И пляшут туземцы под грохот тамтамов,
При этом почти без одежды, конечно.

Экзотика... Яркие впечатленья.
Романтика с этим не очень схожа.
Она не пираты, не приключенья,
Тут все и красивей гораздо и строже:

Соленые брызги, как пули, захлопали
По плитам набережной Севастополя,
Но в ночь штормовую в туман до утра
Уходят дозорные катера.

А возле Кронштадта грохочет Балтика.
Курс — на Вайгач. Рулевой на посту.
А рядом незримо стоит Романтика
И улыбается в темноту.

А где-то в тайге, в комарином гуде,
Почти у дьявола на рогах,
Сидят у костра небритые люди
В брезенте и стоптанных сапогах.

Палатка геологов — сесть и пригнуться.
Приборы, спецовки — сплошной неуют.
Скажи о романтике им — усмехнутся:
— Какая уж, к черту, романтика тут?!

Но вы им не верьте! В глухие чащобы
Не рубль их погнал за родимый порог.
Это романтики чистой пробы,
Романтики дальних и трудных дорог!

Один романтик штурмует науку,
Другой разрыл уникальный храм,
А кто-то завтра протянет руку
К новым созвездиям и мирам.

Вот мчит он, вцепившись в кресло из пластика,
Взор сквозь стекло устремив к луне,
А рядом незримо висит Романтика
В невесомости и тишине...

Скитальцы морей, покорители Арктики!
А здесь, посреди городской толкотни,
Есть ли в обычной жизни романтики?
Кто они? Где? И какие они?

Да те, кто живут по макушку счастливые
Мечтами, любимым своим трудом,
Те, кто умеет найти красивое
Даже в будничном и простом.

Кто сделает замком снежную рощицу,
Кому и сквозь тучи звезда видна,
Кто к женщине так, между прочим, относится,
Как в лучшие рыцарские времена.

Немного застенчивы и угловаты,
Живут они так до момента, когда
Однажды их властно потянут куда-то
Дороги, метели и поезда.

Не к пестрой экзотике — пальмам и зебрам
Умчат они сердцем, храня мечту,
А чтобы обжить необжитые дебри,
Чтоб вырвать из мрака алмазные недра
И людям потом подарить красоту!

Мешать им не надо. Успеха не будет.
Ведь счастье их — ветры борьбы и тревог.
Такие уж это крылатые люди
Романтики дальних и трудных дорог!

АРТИСТКА

Концерт. На знаменитую артистку,
Что шла со сцены в славе и цветах,
Смотрела робко девушка-хористка
С безмолвным восхищением в глазах.

Актриса ей казалась неземною
С ее походкой, голосом, лицом.
Не человеком — высшим божеством,
На землю к людям посланным судьбою.

Шло «божество» вдоль узких коридоров,
Меж тихих костюмеров и гримеров,
И шлейф оваций гулкий, как прибой,
Незримо волочило за собой.

И девушка вздохнула:- В самом деле,
Какое счастье так блистать и петь!
Прожить вот так хотя бы две недели,
И, кажется, не жаль и умереть!

А «божество» в тот вешний поздний вечер
В большой квартире с бронзой и коврами
Сидело у трюмо, сутуля плечи
И глядя вдаль усталыми глазами.

Отпилив, косу в ящик положила,
Сняла румянец ватой не спеша,
Помаду стерла, серьги отцепила
И грустно улыбнулась:- Хороша...

Куда девались искорки во взоре?
Поблекший рот и ниточки седин...
И это все, как строчки в приговоре,
Подчеркнуто бороздками морщин...

Да, ей даны восторги, крики «бис»,

Цветы, статьи «Любимая артистка!»,
Но вспомнилась вдруг девушка-хористка,
Что встретилась ей в сумраке кулис.

Вся тоненькая, стройная такая,
Две ямки на пылающих щеках,
Два пламени в восторженных глазах
И, как весенний ветер, молодая...

Наивная, о, как она смотрела!
Завидуя... Уж это ли секрет?!
В свои семнадцать или двадцать лет
Не зная даже, чем сама владела.

Ведь ей дано по лестнице сейчас
Сбежать стрелою в сарафане ярком,
Увидеть свет таких же юных глаз
И вместе мчаться по дорожкам парка...

Ведь ей дано открыть миллион чудес,
В бассейн метнуться бронзовой ракетой,
Дано краснеть от первого букета,
Читать стихи с любимым до рассвета,
Смеясь, бежать под ливнем через лес...

Она к окну устало подошла,
Прислушалась к журчанию капли.
За то, чтоб так прожить хоть две недели,
Она бы все, не дрогнув, отдала!

В ЗЕМЛЯНКЕ

Огонек чадит в жестянке,
Дым махорочный столбом...
Пять бойцов сидят в землянке
И мечтают кто о чем.

В тишине да на покое
Помечтать оно не грех.
Вот один боец с тоскою,
Глаз сощуря, молвил: «Эх!»

И замолк, второй качнулся,
Подавил протяжный вздох,
Вкусно дымом затянулся
И с улыбкой молвил: «Ох!»

«Да», — ответил третий, взявшись
За починку сапога,
А четвертый, размечтавшись,
Пробасил в ответ: «Ага!»

«Не могу уснуть, нет мочи!
Пятый вымолвил солдат.
Ну чего вы, братцы, к ночи
Разболтались про девчат!»

МОЯ ЗВЕЗДА

Наверно, так уж повелось от века,
В народе говорится иногда,
Что где-то есть порой у человека
Далекая, счастливая звезда.

А коль звезда по небу покатилась,
В глубокой тьме прочерчивая след,
То где-то, значит, жизнь остановилась
И что кого-то в мире больше нет.

Звезда моя! Прозрачно-голубая!
Всю жизнь воюя, споря и любя,
Как ты добра — я в точности не знаю.
Но с детских лет я верую в тебя.

Когда мне было радостно до боли
При свете милых удивленных глаз,
И в час, когда читал я в нашей школе
На выпускном стихи в последний раз,

И в час, когда шагал я с аттестатом
В лучах надежды утренней Москвой,
Когда я был счастливым и крылатым,
Ты в полный жар сияла надо мной!

И в дни, когда под грохот эшелонов,
Под пенье пуль, навстречу воронью,
Я шел без сна в шинели и погонах
Сквозь сто смертей за Родину мою,

Когда я стыл под вьюгой ледяною,
Когда от жажды мучился в пути,
И в тихий час, и в самом пекле боя
Я знал, что ты мне светишь впереди.

Но так уж в мире, кажется, бывает,

Что дальняя счастливая звезда
Не всякий раз приветливо мигает
И полным жаром блещет не всегда...

И в том бою, когда земля горела
И Севастополь затянула мгла,
Ты, видимо, меня не разглядела
И уберечь от горя не смогла.

И вот, когда дыхание пропадает,
Уходят силы, а сознание — дым...
Тогда для смерти время наступает,
И смерть пришла за сердцем за моим.

Да не сумела, не остановила.
То ль потому, что молодость жила,
Иль потому, что комсомольским было,
Но только зря старуха прождала!

Звезда моя! Я вовсе не стараюсь
Всего добиться даром, без труда.
Я снова сам работаю, сражаюсь,
И все же ты свети хоть иногда...

Ведь как порою нелегко бывает,
Когда несутся стрелы мне вослед
И недруги бранят не умолкая,
Тогда сию, курю я и не знаю,
Горишь ты надо мною или нет!

А впрочем, что мне недруги и стрелы!
Звезда моя! Горячая звезда!
Да, ты горишь! А если б не горела,
Я не достиг бы счастья никогда!

А я достиг... Чего мне приbedнаться!
Я знаю цель. Тверды мои шаги.
И я умею даже там смеяться,
Где слабый духом был бы от тоски!

Звезда моя! Ты тоже не сдаешься,
Как я, таким же пламенем горя!
И в час, когда ты, вздрогнув, оборвешься,
Не скажут нам, что мы горели зря!

И я мечтаю вопреки примете,
Когда судьба нас вычеркнет навек,
Пусть в этот миг родится на планете
Какой-нибудь счастливый человек!

ОНИ СТУДЕНТАМИ БЫЛИ

Они студентами были.
Они друг друга любили.
Комната в восемь метров — чем не семейный дом?!
Готовясь порой к зачетам,
Над книгою или блокнотом
Нередко до поздней ночи сидели они вдвоем.

Она легко уставала,
И если вдруг засыпала,
Он мыл под краном посуду и комнату подметал.
Потом, не шуметь стараясь
И взглядов косых стесняясь,
Тайком за закрытой дверью белье по ночам стирал.

Но кто соседок обманет —
Тот магом, пожалуй, станет.
Жужжал над кастрюльным паром их дружный осиный рой.
Ее называли лентяйкой,
Его ехидно хозяйкой,
Вздыхали, что парень — тряпка и у жены под пятой.

Нередко вот так часами
Трескучими голосами
Могли судачить соседки, шинкуя лук и морковь.
И хоть за любовь стояли,
Но вряд ли они понимали,
Что, может, такой и бывает истинная любовь!

Они инженерами стали.
Шли годы без ссор и печали.
Но счастье — капризная штука, нестойка порой, как дым.
После собрания, в субботу,
Вернувшись домой с работы,
Однажды жену застал он целующейся с другим.

Нет в мире острее боли.

Умер бы лучше, что ли!
С минуту в дверях стоял он, уставя в пространство взгляд.
Не выслушал объяснений,
Не стал выяснять отношений,
Не взял ни рубля, ни рубахи, а молча шагнул назад...

С неделю кухня гудела:
«Скажите, какой Отелло!
Ну целовалась, ошиблась... немного выиграла кровь!
А он не простил». — «Слыхали?»
Мещане! Они и не знали,
Что, может, такой и бывает истинная любовь!

ЦЫГАНЕ ПОЮТ

Как цыгане поют — передать невозможно.
Да и есть ли на свете такие слова?!
То с надрывной тоскою, темно и тревожно.
То с весельем таким, что хоть с плеч голова!

Как цыгане поют? Нет, не сыщутся выше
Ни душевность, ни боль, ни сердечный накал.
Ведь не зря же Толстой перед смертью сказал:
— Как мне жаль, что я больше цыган не услышу!

За окном полыхает ночная зарница,
Ветер ласково треплет бахромки гардин,
Жмурясь сотнями глаз засыпает столица,
Под стихающий рокот усталых машин...

Нынче дом мой как бубен гудит молдаванский:
Степь да звезды! Ни крыши, ни пола, ни стен...
Кто вы, братцы: друзья из театра «Ромэн»
Или просто неведомый табор цыганский?!

Ваши деды в лихих конокрадах ходили,
Ваши бабки, пленяя и «Стрельну» и «Яр»
Гролом песен, купцов как цыпят потрошили
И хмелели от тостов влюбленных гусар!

Вы иные: без пестрых и скудных пожиток,
Без колоды, снующей в проворных руках,
Без костров, без кнутов, без коней и кибиток,
Вы в нейлоновых кофтах и модных плащах.

Вы иные, хоть больше, наверное, внешне.
Ведь куда б ни вели вас другие пути,
Все равно вам на этой земле многогрешной
От гитар и от песен своих не уйти!

Струны дрогнули. Звон прокатился и стих...

И запела, обнявши меня, точно сына,
Щуря взгляд, пожилая цыганка Сантина
Про старинные дроги и пару гнедых.

И еще, и еще! Звон гитар нарастает,
Все готово взлететь и сорваться в ничто!
Песня песню кружит, песня песню сжигает,
Что мне сделать для вас? Ну скажите мне, что?!

Вздвогнув, смолкли веселые струны-бродяги.
Кто-то тихо ответил смущенно почти:
— Золотой, ты прочти нам стихи о дворняге.
Ну о той, что хозяин покинул, прочти!

Май над миром гирлянды созвездий развесил,
Звон гитар... дрожь серег... тополиный дурман...
Я читаю стихи, я качаюсь от песен,
От хмельных, обжигающих песен цыган!

Ах вы, песни! Ах други чавалэ-ромалэ!
Что такое привычный домашний уют?
Все ничто! Все качнулось на миг и пропало,
Только звезды, да ночь, да цыгане поют!

Небо красное, черное, золотое...
Кровь то пышет, то стынет от острой тоски.
Что вы, черти, творите со мною такое!
Вы же сердце мое разорвали в куски!

И навек, и навек эту радость храня,
Я целую вас всех и волненья не прячу!
Ну, а слезы — за это простите меня!
Я ведь редко, товарищи, плачу...

«Когда мне говорят о красоте...»

Когда мне говорят о красоте
Восторженно, а иногда влюбленно,
Я почему-то, слушая, невольно
Сейчас же вспоминаю о тебе.

Когда порой мне, имя называя,
О женственности чьей-то говорят,
Я снова почему-то вспоминаю
Твой мягкий жест, и голос твой, и взгляд.

Твои везде мне видятся черты,
Твои повсюду слышатся слова,
Где б ни был я — со мною только ты,
И, тем гордясь, ты чуточку права.

И все же, сердцем похвалы любя,
Старайся жить, заносчивой не став:
Ведь слыша где-то про сварливый нрав,
Я тоже вспоминаю про тебя...

ОСТРОВ РОМАНТИКИ

От Арктики до Антарктики
Люди весь мир прошли.
И только остров Романтики
На карты не нанесли.

А он существует, заметьте-ка,
Там есть и луна и горы,
Но нет ни единого скептика
И ни одного резонера.

Ни шепота обывателей,
Ни скуки и ни тоски.
Живут там одни мечтатели,
Влюбленные и чудаки.

Там есть голубые утесы
И всех ветров голоса,
Белые альбатросы
И алые паруса.

Там есть залив Дон-Кихота,
И мыс Робинзона есть.
Гитара в большом почете,
А первое слово — «честь»!

Там сплошь туристские тропы,
И перед каждым костром
Едят черепах с укропом
Под крепкий ямайский ром.

Там песня часто увенчана
Кубком в цветном серебре,
А оскорбивший женщину
Сжигается на костре.

Гитары звенят ночами,

К созвездьям ракеты мчат,
Там только всегда стихами
Влюбленные говорят.

От Арктики до Антарктики
Люди весь мир прошли,
И только остров Романтики
На карты не нанесли.

Но, право, грустить не надо
О картах. Все дело в том,
Что остров тот вечно рядом
Он в сердце живет твоим!

УЛЕТАЮТ ПТИЦЫ

Осень паутинки развевает,
В небе стаи будто корабли
Птицы, птицы к югу улетают,
Исчезая в розовой дали...

Сердцу трудно, сердцу горько очень
Слышать шум прощального крыла.
Нынче для меня не просто осень
От меня любовь моя ушла.

Улетела, словно аист-птица,
От иной мечты помолодев,
Не горя желанием проститься,
Ни о чем былом не пожалев.

А былое — песня и порыв.
Юный аист, птица-длинноножка,
Ранним утром постучал в окошко,
Счастье мне навечно посулив.

О любви неистовый разбег!
Жизнь, что обжигает и тревожит.
Человек, когда он человек,
Без любви на свете жить не может.

Был тебе я предан, словно пес,
И за то, что лаской был согретым,
И за то, что сына мне принес
В добром клюве ты веселым летом.

Как же вышло, что огонь утих?
Люди говорят, что очень холил,
Лишку сыпал зерен золотых
И давал преступно много воли.

Значит, баста! Что ушло — пропало.

Я солдат. И, видя смерть не раз,
Твердо знал: сдаваться не пристало,
Стало быть, не дрогну и сейчас.

День окончен, завтра будет новый.
В доме нынче тихо... никого...
Что же ты наделал, непутевый,
Глупый аист счастья моего?!

Что ж, прощай и будь счастливой, птица!
Ничего уже не воротить.
Разбранившись — можно помириться.
Разлюбивши — вновь не полюбить.

И хоть сердце горе не простило,
Я, почти чужой в твоей судьбе,
Все ж за все хорошее, что было,
Нынче низко кланяюсь тебе...

И довольно! Рву с моей бедою.
Сильный духом, я смотрю вперед.
И, закрыв окошко за тобою,
Твердо верю в солнечный восход!

Он придет, в душе растопит снег,
Новой песней сердце растревожит.
Человек, когда он человек,
Без любви на свете жить не может.

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

Что же такое счастье?
Одни говорят:- Это страсти:
Карты, вино, увлечения
Все острые ощущения.
Другие верят, что счастье
В окладе большом и власти,
В глазах секретарш плененных
И трепете подчиненных.
Третьи считают, что счастье
Это большое участие:
Забота, тепло, внимание
И общность переживания.
По мнению четвертых, это
С милой сидеть до рассвета,
Однажды в любви признаться
И больше не расставаться.
Еще есть такое мнение,
Что счастье — это горение:
Поиск, мечта, работа
И дерзкие крылья взлета!
А счастье, по-моему, просто
Бывает разного роста:
От кочки и до Казбека,
В зависимости от человека!

МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ

Цветистая афиша возвещает
О том, что в летнем цирке в третий раз
С большим аттракционом выступает
Джаз лилипутов — «Театральный джаз»!

А кроме них, указано в программе,
Веселый ас — медведь-парашютист,
Жонглеры-обезьяны с обручами
И смелый гонщик — волк-мотоциклист.

Обиднейшее слово — лилипуты,
Как будто штамп поставили навек.
Как будто все решает рост. Как будто
Перед тобой уже не человек!

Нет, я живу не баснями чужими
И не из ложи цирковой слежу.
Я знаю их обиды, ибо с ними
Не первый год общаюсь и дружу!

Вот и сегодня тоненько звенят
В моей квартире шутки, смех и тосты.
Нет никого «больших», как говорят,
Сегодня здесь лишь «маленькие» гости!

Тут не желанье избежать общения,
И не стремленье скрыться от людей,
И вовсе не любовь к уединенью
Тут дело все и проще и сложнее...

Мы часто понимание проявляем
Там, где порой оно и ни к чему.
Случается, что пьяному в трамвае
Мы, чуть ли уж не место уступая,
Сердечно улыбаемся ему.

А к людям очень маленького роста
И очень уязвимым оттого,
Кому на свете жить не так уж просто,
Нет, кроме любопытства, ничего!

Бегут им вслед на улицах мальчишки.
— Эгей, сюда! Смотрите-ка скорей!
Ну, хорошо, пусть это ребятишки.
А взрослые! Намного ли мудрей?

Порой прохожих растолкав упрямо,
И распахнув глазищи-фонари,
Какая-нибудь крашенная дама
Воскликнет вдруг:- Ах, Петя, посмотри!

И, все смекнув, когда-то, кто-то, где-то
С практично предприимчивой душой
На нездоровом любопытстве этом
Уже устроил бизнес цирковой.

И вот факиры, щурясь плутовато,
Одетых пестро маленьких людей
Под хохот превращают в голубей
И снова извлекают из халата!

И вот уже афиша возвещает
О том, что в летнем цирке в третий раз
С большим аттракционом выступает
Джаз лилипутов — «Театральный джаз»!

Грохочет зал, дрожат огни лучисто.
И может быть, не ведает никто,
Как снится ночью маленьким артистам
Пожар в зеленом цирке «Шапито».

ТОЙ, КОТОРАЯ ЛЮБИТ ВЕРНО!

Я, наверное, так любил,
Что скажите мне в эту пору,
Чтоб я гору плечом свалил,
Я пошел бы, чтоб сдвинуть гору!

Я, наверное, так мечтал,
Что любой бы фантаст на свете,
Мучась завистью, прошептал:
— Не губи! У меня же дети...

И в тоске я сгорал такой,
Так в разлуке стремился к милой,
Что тоски бы моей с лихвой
На сто долгих разлук хватило.

И когда через даль дорог
Эта нежность меня сжигала,
Я спокойно сидеть не мог!
Даже писем мне было мало!

У полярников, на зимовке,
Раз, в груди ощутив накал,
Я стихи о ней написал.
Молодой, я и сам не знал,
Ловко вышло или не ловко?

Только дело не в том, наверно,
Я светился, как вешний стяг,
А стихи озаглавил так:
«Той, которая любит верно!»

Почему на земле бывает
Столько горького? Почему?
Вот живет человек, мечтает,
Вроде б радости достигает...
Вдруг — удар! И конец всему!

Почему, когда все поет,
Когда вот он я — возвратился!
Черный слух, будто черный кот
Прыгнув, в сердце мое вцепился!

Та же тропка сквозь сад вела,
По которой ко мне она бегала.
Было все: и она была,
И сирень, как всегда цвела,
Только верности больше не было.

Каждый май прилетают скворцы.
Те, кто мучился, верно знают,
Что, хотя остаются рубцы,
Раны все-таки зарастают...

И остался от тех годов
Только отзвук беды безмерной,
Да горячие строки стихов:
«Той, которая любит верно!»

Я хотел их спалить в огне:
Верность женская — глупый бред!
Только вдруг показалось мне
Будто кто-то мне крикнул:- Нет!

Не спеши! И взгляни пошире:
Пусть кому-то плевать на честь,
Только женская верность в мире
Все равно и была и есть!

И увидел я сотни глаз,
Заблестевших из дальней тьмы:
— погоди! Ты забыл про нас!
А ведь есть на земле и мы!

Ах, какие у них глаза!
Скорбно-вдовьи и озорные,
Женски гордые, но такие,

Где все правда: и смех и слеза.

И девичьи — всегда лучистые
То от счастья, то от тоски,
Очень светлые, очень чистые,
Словно горные родники.

И поверил я, и поверил!
— Подождите! — я говорю. —
Вам, кто любит, и всем, кто верен,
Я вот эти стихи дарю!

Пусть ты песня в чужой судьбе,
И не встречу тебя, наверно.
Все равно. Эти строки тебе:
«Той, которая любит верно!»

ОБИДНАЯ ЛЮБОВЬ

Пробило десять. В доме тишина.
Она сидит и напряженно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна,
Вдруг позвонит любимый, вдруг придет?!

Пусть вечер люстру звездную включил,
Не так уж поздно, день еще не прожит.
Не может быть, чтоб он не позвонил!
Чтобы не вспомнил — быть того не может!

«Конечно же, он рвался, и не раз,
Но масса дел: то это, то другое...
Зато он здесь и сердцем и душою».
К чему она хитрит перед собою
И для чего так лжет себе сейчас?

Ведь жизнь ее уже немало дней
Течет отнюдь не речкой Серебрянкой:
Ее любимый постоянно с ней
Как хан Гирей с безвольной полонянкой.

Случалось, он под рюмку умилялся
Ее душой: «Так преданна всегда!»
Но что в душе той — радость иль беда?
Об этом он не ведал никогда,
Да и узнать ни разу не пытался.

Хвастлив иль груб он, трезв или хмелен,
В ответ — ни возражения, ни вздоха.
Прав только он и только он умен,
Она же лишь «чудачка» и «дуреха».

И ей ли уж не знать о том, что он
Ни в чем и никогда с ней не считался,
Сто раз ее бросал и возвращался,
Сто раз ей лгал и был всегда прощен.

В часы невзгод твердили ей друзья:
— Да с ним пора давным-давно расстаться.
Будь гордою. Довольно унижаться!
Сама пойми: ведь дальше так нельзя!

Она кивала, плакала порой.
И вдруг смотрела жалобно на всех:
— Но я люблю... Ужасно... Как на грех!..
И он уж все же не такой плохой!

Тут было бесполезно препираться,
И шла она в свой добровольный плен,
Чтоб вновь служить, чтоб снова унижаться
И ничего не требовать взамен.

Пробило полночь. В доме тишина...
Она сидит и неотступно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна:
Вдруг позвонит? А вдруг еще придет?

Любовь приносит радость на порог.
С ней легче верить, и мечтать, и жить.
Но уж не дай, как говорится, бог
Вот так любить!

ТЫ НЕ СОМНЕВАЙСЯ

Кружит ветер звездную порошу,
В переулки загоняя тьму.
Ты не сомневайся: я хороший.
Быть плохим мне просто ни к чему!

Не подумай, что играю в прятки,
Что хитрю или туманю свет.
Есть во мне, конечно, недостатки,
Ну зачем мне говорить, что нет?

Впрочем, что хвальба иль бичеванье.
На какой аршин меня ни мерь,
Знай одно: что человеческим званьем
Я горжусь. И ты мне в этом верь.

Я не лжив ни в слове и ни в песне.
Уверяю: позы в этом нет.
Просто быть правдивым интересней.
Жить светлей. И в этом весь секрет.

И не благ я вовсе ожидаю,
За дела хватаясь с огоньком.
Просто потому, что не желаю
Жить на свете крохотным жучком.

Просто в жизни мне всегда тепло
Оттого, что есть цветы и дети.
Просто делать доброе на свете
Во сто крат приятнее, чем зло.

Просто потому, что я мечтаю
О весне и половодьях рек,
Просто потому, что ты такая
Самый милый в мире человек!

Выходи ж навстречу, не смущайся!

Выбрось все «зачем» и «почему».
Я хороший. Ты не сомневайся!
Быть другим мне просто ни к чему!

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Мы в дальней разлуке. Сейчас между нами
Узоры созвездий и посвист ветров,
Дороги с бегущими вдаль поездами
Да скучная цепь телеграфных столбов.

Как будто бы чувствуя нашу разлуку,
Раскидистый тополь, вздохнув горячо,
К окну потянувшись, зеленую руку
По-дружески мне положил на плечо.

Душа хоть какой-нибудь весточки просит,
Мы ждем, загораемся каждой строкой.
Но вести не только в конвертах приносят,
Они к нам сквозь стены проходят порой.

Представь, что услышишь ты вести о том,
Что был я обманут в пути подлецом,
Что руку, как другу, врагу протянул,
А он меня в спину с откоса толкнул...

Все тело в ушибах, разбита губа...
Что делать? Превратна порою судьба!
И пусть тебе станет обидно, тревожно,
Но верить ты можешь. Такое — возможно!

А если вдруг весть, как метельная мгла,
Ворвется и скажет, словами глухими,
Что смерть недопетую песнь прервала
И черной каймой обвела мое имя.

Веселые губы сомкнулись навек...
Утрата, ее не понять, не измерить!
Нелепо! И все-таки можешь поверить:
Бессмертны лишь скалы, а я — человек!

Но если услышишь, что вешней порой

За новым, за призрачным счастьем в погоне
Я сердце своё не тебе, а другой
Взволнованно вдруг протянул на ладони,

Пусть слезы не брызнут, не дрогнут ресницы,
Колючею стужей не стиснет беда!
Не верь! Вот такого не может случиться!
Ты слышишь? Такому не быть никогда!

ОДНА

К ней всюду относились с уважением:
И труженик и добрая жена.
А жизнь вдруг обошлась без сожаленья:
Был рядом муж — и вот она одна...

Бежали будни ровной чередой.
И те ж друзья и уважение то ж,
Но что-то вдруг возникло и такое,
Чего порой не сразу разберешь:

Приятели, сердцами молодые,
К ней заходя по дружбе иногда,
Уже шутили так, как в дни былые
При муже не решались никогда.

И, говоря, что жизнь почти ничто,
Коль будет сердце лаской не согрето,
Порою намекали ей на то,
Порою намекали ей на это...

А то при встрече предрекут ей скуку
И даже раздражатся сгоряча,
Коль чью-то слишком ласковую руку
Она стряхнет с колена иль с плеча.

Не верили: ломается, играет,
Скажи, какую сберегает честь!
Одно из двух: иль цену набивает,
Или давно уж кто-нибудь да есть.

И было непонятно никому,
Что и одна, она верна ему!

СТИХИ О РЫЖЕЙ ДВОРНЯГЕ

Хозяин погладил рукою
Лохматую рыжую спину:
— Прощай, брат! Хоть жаль мне, не скрою,
Но все же тебя я покину.

Швырнул под скамейку ошейник
И скрылся под гулким навесом,
Где пестрый людской муравейник
Вливался в вагоны экспресса.

Собака не взывала ни разу.
И лишь за знакомой спиною
Следили два карие глаза
С почти человеческой тоскою.

Старик у вокзального входа
Сказал:- Что? Оставлен, бедняга?
Эх, будь ты хорошей породы...
А то ведь простая дворняга!

Огонь над трубой заметался,
Взревел паровоз что есть мочи,
На месте, как бык, потоптался
И ринулся в непогодь ночи.

В вагонах, забыв передряги,
Курили, смеялись, дремали...
Тут, видно, о рыжей дворняге
Не думали, не вспоминали.

Не ведал хозяин, что где-то
По шпалам, из сил выбиваясь,
За красным мелькающим светом
Собака бежит задыхаясь!

Споткнувшись, кидается снова,

В кровь лапы о камни разбиты,
Что выпрыгнуть сердце готово
Наружу из пасти раскрытой!

Не ведал хозяин, что силы
Вдруг разом оставили тело,
И, стукнувшись лбом о перила,
Собака под мост полетела...

Труп волны снесли под коряги...
Старик! Ты не знаешь природы:
Ведь может быть тело дворняги,
А сердце — чистейшей породы!

ДВА ПЕТУХА

(Шутка)

Вот это запевка, начало стиха:
Ища червяков и зерна,
Бродили по птичнику два петуха,
Два верных, почти закадычных дружка,
Рыжий петух и черный.

Два смелых, горластых и молодых,
Страстями и силой богатых.
И курам порою от удали их
Бывало весьма тужовато...

И жизнь бы текла у друзей ничего,
Но как-то громадный гусак,
Зачинщик всех птичьих скандалов и драк,
Накинулся на одного.

Вдвоем бы отбились. Вдвоем как-никак
Легче сразить врага.
Но рыжий лишь пискнул, когда гусак
Сшиб на траву дружка.

Он пискнул и тотчас бесславно бежал!
И так он перепугался,
Что даже и хвост бы, наверно, поджал,
Когда бы тот поджимался!

Летел, вылезая почти из кожи!
Грустно кончаются эти стихи!
Одно только тут хорошо, петухи:
Что вы на людей не похожи!

КОГДА МНЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ В ЛЮДЯХ ДУРНОЕ...

Когда мне встречается в людях дурное,
То долгое время я верить стараюсь,
Что это скорее всего напускное,
Что это случайность. И я ошибаюсь.

И, мыслям подобным ища подтверждения,
Стремлюсь я поверить, забыв про укор,
Что лжец, может, просто большой фантазер,
А хам, он, наверно, такой от смущенья.

Что сплетник, шагнувший ко мне на порог,
Возможно, по глупости разболтался,
А друг, что однажды в беде не помог,
Не предал, а просто тогда растерялся.

Я вовсе не прячусь от бед под крыло.
Иными тут мерками следует мерить.
Ужасно не хочется верить во зло,
И в подлость ужасно не хочется верить!

Поэтому, встретив нечестных и злых,
Нередко стараешься волей-неволей
В душе своей словно бы выправить их
И попросту «отредактировать», что ли!

Но факты и время отнюдь не пустяк.
И сколько порой ни насилуешь душу,
А гниль все равно невозможно никак
Ни спрятать, ни скрыть, как ослиные уши.

Ведь злого, признаться, мне в жизни моей
Не так уж и мало встречать доводилось.
И сколько хороших надежд поразбилось,
И сколько вот так потерял я друзей!

И все же, и все же я верить не брошу,
Что надо в начале любого пути
С хорошей, с хорошей и только с хорошей,
С доверчивой меркою к людям идти!

Пусть будут ошибки (такое не просто),
Но как же ты будешь безудержно рад,
Когда эта мерка придется по росту
Тому, с кем ты станешь богаче стократ!

Пусть циники жалко бормочут, как дети,
Что, дескать, непрочная штука — сердца...
Не верю! Живут, существуют на свете
И дружба навек, и любовь до конца!

И сердце твердит мне: ищи же и действуй.
Но только одно не забудь наперед:
Ты сам своей мерке большой соответствуй,
И все остальное, увидишь, — придет!

ХВАСТУНЫ

Она частенько людям говорит,
Весьма многозначительно притом,
Что хоть Иван Иванович знаменит,
Но ей, увы, он больше чем знаком...

И за столом в какой-нибудь компании
Она, рассказ придумывая свой,
Его развязно называет Ваней,
А то и просто Ванечкой порой.

Туманно говорит о том, что он,
Хоть и неловко выдавать его,
В нее не то что по уши влюблен,
Но что-то вроде около того...

Его афиша в городе висит,
А он сидел бы только с ней одною,
И пусть он для кого-то знаменит,
А для нее он кое-что иное...

Легко течет обкатанный рассказ.
В нем есть и страсть и вздохи до рассвета,
Полунамеки и туманность фраз,
Вот только правды, очевидно, нету.

А ведь рассказ всего-то на момент,
О том, как с ним однажды говорила,
На вечер от месткома пригласила
Да как-то услыхала комплимент.

Пустяк, конечно. Облачко во мгле.
Но, жаждою тщеславия влекомых,
Небось не так их мало на земле,
Вот этих самых «больше чем знакомых».

Шумят, лукавят, рыскают по свету,

И души их хвастливо-горячи:
В одних «безумно влюблены» поэты,
В других — артисты, в третьих — скрипачи!

Неужто в этом высшая награда?
И для чего такая чепуха?
Угмонитесь, милые, не надо!
И не берите на душу греха!

СЕРДЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

Сто раз решал он о любви своей
Сказать ей твердо. Все как на духу!
Но всякий раз, едва встречался с ней,
Краснел и нес сплошную чепуху!

Хотел сказать решительное слово,
Но, как на грех, мучительно мычал.
Невесть зачем цитировал Толстого
Или вдруг просто каменно молчал.

Вконец растратив мужество свое,
Шагал домой, подавлен и потерян.
И только с фотографией ее
Он был красноречив и откровенен.

Перед простым любительским портретом
Он смелым был, он был самим собой.
Он поверял ей думы и секреты,
Те, что не смел открыть перед живой.

В спортивной белой блузке возле сетки,
Прядь придерживав рукой от ветра,
Она стояла с теннисной ракеткой
И, улыбаясь, щурилась слегка.

А он смотрел, не в силах оторваться,
Шепча ей кучу самых нежных слов.
Потом вздыхал:- Тебе бы все смеяться,
А я тут пропадай через любовь!

Она была повсюду, как на грех: Глаза...
И смех — надменный и пьянящий...
Он и во сне все слышал этот смех.
И клял себя за трусость даже спящий.

Но час настал. Высокий, гордый час!

Когда решил он, что скорей умрет,
Чем будет тряпкой. И на этот раз
Без ясного ответа не уйдет!

Средь городского шумного движенья
Он шел вперед походкою бойца.
Чтоб победить иль проиграть сраженье,
Но ни за что не дрогнуть до конца!

Однако то ли в чем-то просчитался,
То ли споткнулся где-то на ходу,
Но вновь краснел, и снова заикался,
И снова нес сплошную ерунду.

— Ну вот и все! — Он вышел на бульвар,
Достал портрет любимой машинально,
Сел на скамейку и сказал печально:
— Вот и погиб «решительный удар»!

Тебе небось смешно. Что я робею.
Скажи, моя красивая звезда:
Меня ты любишь? Будешь ли моею?
Да или нет? — И вдруг услышал:- Да!

Что это, бред? Иль сердце виновато?
Иль просто клен прошелестел листвою?
Он обернулся: в пламени заката
Она стояла за его спиной.

Он мог поклясться, что такой прекрасной
Еще ее не видел никогда.
— Да, мой мучитель! Да, молчун несчастный!
Да, жалкий трус! Да, мой любимый! Да!

ПАДАЕТ СНЕГ

Падает снег, падает снег
Тысячи белых ежат...
А по дороге идет человек,
И губы его дрожат.

Мороз под шагами хрустит, как соль,
Лицо человека — обида и боль,
В зрачках два черных тревожных флажка
Выбросила тоска.

Измена? Мечты ли разбитой звон?
Друг ли с подлой душой?
Знает об этом только он
Да кто-то еще другой.

Случись катастрофа, пожар, беда
Звонки тишину встревожат.
У нас милиция есть всегда
И «Скорая помощь» тоже.

А если просто: падает снег
И тормоза не визжат,
А если просто идет человек
И губы его дрожат?

А если в глазах у него тоска —
Два горьких черных флажка?
Какие звонки и сигналы есть,
Чтоб подали людям весть?!

И разве тут может в расчет идти
Какой-то там этикет,
Удобно иль нет к нему подойти,
Знаком ты с ним или нет?

Падает снег, падает снег,

По стеклам шуршит узорным.
А сквозь метель идет человек,
И снег ему кажется черным...

И если встретишь его в пути,
Пусть вздрогнет в душе звонок,
Рваниць к нему сквозь людской поток.
Останови! Подойди!

РАЗГОВОР С ДРУГОМ

Знакомя, друг сказал мне сокровенно:

— Рекомендую: Коля. Пианист.

Прекрасный парень и душою чист,

И ты его полюбишь непременно!

«Прекрасный парень» в меру был живой.

Сел за рояль, Прокофьева сыграл,

Смеялся шуткам, подымал бокал,

Потом простился и ушел домой.

Ушел и канул в темноту и снег...

И я спросил у друга своего:

— Вот ты прекрасным называл его.

А чем прекрасен этот человек?

С минуту друг растерянно молчал.

Ходил, курил и молвил наконец:

— Он никому вреда не причинял,

Не лицемер, не склочник, не подлец...

И вновь спросил я друга своего:

— А доброго он людям сделал много?

Мой друг вздохнул: - Да вроде ничего.

И все-таки он неплохой, ей-богу!

И тут мелькнуло: а не так ли я

Хвалю порой того, кто не подлец?

Но сколько рядом истинных сердец?

И все ль друзья действительно друзья?

Не прямодушен — ладно, ничего!

Не сделал зла — приветствуем его.

Мог утащить, а он не утащил

И чуть ли уж не подвиг совершил.

Иль, скажем, парень в девушку влюбился,

Жениться обещал. И под конец
Не оскорбил, не бросил, а женился
И вот уже герой и молодец!

А то вдруг вам как на голову снег
Свалилось горе. Друг о том проведал.
Он мог добить, предать, но он не предал.
Нет, не помог ничем, а лишь не предал, —
И вот уж он «прекрасный человек».

Смешно, но факт: мы, будто с ценной ношей,
Со странной меркой носимся порой:
«Прекрасный»- лишь за то, что не плохой,
А не за то, что истинно хороший!

Так не пора ль действительно начать
С других позиций доблести считать?

ДОБРЫЙ ПРИНЦ

Ты веришь, ты ищешь любви большой,
Сверкающей, как родник,
Любви настоящей, любви такой,
Как в строчках любимых книг.

Когда повисает вокруг тишина
И в комнате полутемно,
Ты часто любишь сидеть одна,
Молчать и смотреть в окно.

Молчать и видеть, как в синей дали
За звездами, за морями
Плывут навстречу тебе корабли
Под алыми парусами...

То рыцарь Айвенго, врагов рубя,
Мчится под топот конский,
А то приглашает на вальс тебя
Печальный Андрей Болконский.

Вот шпагой клянется д'Артаньян,
Влюбленный в тебя навеки,
А вот преподносит тебе тюльпан
Пылкий Ромео Монтекки.

Проносится множество глаз и лиц,
Улыбки, одежды, краски...
Вот видишь: красивый и добрый принц
Выходит к тебе из сказки.

Сейчас он с улыбкой наденет тебе
Волшебный браслет на запястье.
И с этой минуты в его судьбе
Ты станешь судьбой и счастьем!

Когда повисает вокруг тишина

И в комнате полутемно,
Ты часто любишь сидеть одна,
Молчать и смотреть в окно...

Слышны далекие голоса,
Плывут корабли во мгле...
А все-таки алые паруса
Бывают и на земле!

И может быть, возле судьбы твоей
Где-нибудь рядом, здесь,
Есть гордый, хотя неприметный Грей
И принц настоящий есть!

И хоть он не с книжных сойдет страниц,
Взгляни! Обернись вокруг:
Пусть скромный, но очень хороший друг,
Самый простой, но надежный друг,
Может, и есть тот принц?!

ДНЕВНОЙ СВЕТ

На стенке, горделиво-горячи,
Стараясь быть кто ярче, кто умнее,
Плясали разноцветные лучи,
Хвалясь оригинальностью своею.

— Я — луч особый, нежно-голубой,
Я — цвет реки, морской волны и неба.
Я не сродни полям ржаного хлеба
Или привычной зелени лесной.

— Кто, я привычен? Вот уж насмешил!
Да я весной лишь землю покрываю,
А летом слабну, сохну, выгораю.
Не то что цвет каких-нибудь чернил!

Не крикнул — завизжал чернильный цвет:
— Меня зовут, вам подтвердит бумага,
Оригинал, красавец фиолет,
Меня почти что и в природе нет,
Я — химвпродукт, пижон и модерняга!

Так спорили упрямые лучи.
Их было семь. Все семеро красивы,
Все семеро азартны и спесивы
И все чуть-чуть не в меру горячи.

Но тут, пробившись меж высоких туч,
Неся в себе дневной, веселый свет,
Упал на стену яркий белый луч,
Упал и поздоровался:- Привет!

Вмиг даже не осталось и следа
От горделивой распри, и тогда
Все дружно навалились на пришельца:
— А ты зачем? Как ты попал сюда?

Смешно сказать: дневной, знакомый свет
И вдруг с лучами редкостными вместе!
Ты популярен. В этом спору нет.
Но это и не может делать чести!

К чему лететь охотно на завод,
Светиться лампой в вузе, доме, классе,
И незачем ссылаться на народ,
Народ, он примитивен в общей массе!

А ты, ты прост и ясен, ха-ха-ха!
Ну разве ты искусство? Ха-ха-ха!
Искусство, знай, понятно лишь немногим.
А быть, как ты, — позор и чепуха!

Эх, не понять хулителям за бранью
Простейшую основу из основ:
Что белый луч, сверкнув незримой гранью,
Легко дает любой из их цветов!

И если тех задиристых лучей,
Собрав, смешать в посудине одной,
То выйдет свет, что людям всех нужней:
Как раз вот этот скромный свет дневной!

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Резкий звон ворвался в полутьму,
И она шагнула к телефону,
К частому, настойчивому звону.
Знала, кто звонит и почему.

На мгновение стала у стола,
Быстро и взволнованно вздохнула,
Но руки вперед не протянула
И ладонь на трубку не легла.

А чего бы проще взять и снять
И, не мучась и не тратя силы,
Вновь знакомый голос услышать
И опять оставить все как было.

Только разве тайна, что тогда
Возвратятся все ее сомненья,
Снова и обман и униженья —
Все, с чем не смириться никогда!

Звон кружил, дрожал не умолкая,
А она стояла у окна,
Всей душою, может, понимая,
Что менять решенья не должна.

Все упрямей телефон звонил,
Но в ответ — ни звука, ни движенья.
Вечер этот необычным был,
Этот вечер — смотр душевных сил,
Аттестат на самоуваженье.

Взвыл и смолк бессильно телефон.
Стало тихо. Где-то пели стройно...
Дверь раскрыла, вышла на балкон.
В первый раз дышалось ей спокойно.

ГОСТЬЯ

Проект был сложным. Он не удавался.
И архитектор с напряженным лбом
Считал, курил, вздыхал и чертыхался,
Склонясь над непокорным чертежом.

Но в дверь вдруг постучали. И соседка,
Студентка, что за стенкою жила,
Алея ярче, чем ее жакетка,
Сказала быстро: «Здрасьте». И вошла.

Вздохнула, села в кресло, помолчала,
Потом сказала, щурясь от огня:
— Вы старше, вы поопытней меня...
Я за советом... Я к вам прямо с бала...

У нас был вечер песни и весны,
И два студента в этой пестрой вьюге,
Не ведая, конечно, друг о друге,
Сказали мне о том, что влюблены.

Но для чужой души рентгена нет,
Я очень вашим мнением дорожу.
Кому мне верить? Дайте мне совет.
Сейчас я вам о каждом расскажу.

Но, видно, он не принял разговора:
Отбросил циркуль, опрокинул тушь
И, глядя ей в наивные озера,
Сказал сердито: - Ерунда и чушь!

Мы не на рынке и не в магазине!
Совет вам нужен? Вот вам мой совет:
Обоим завтра отвечайте «нет!»,
Затем, что чувства нет здесь и в помине!

А вот когда полюбите всерьез,

Поймете сами, если час пробьет.
Душа ответит на любой вопрос.
А он все сам заметит и поймет!

Окончив речь уверенно и веско,
Он был немало удивлен, когда
Она, вскочив вдруг, выпалила резко:
— Все сам заметит? Чушь и ерунда!

Слегка оторопев от этих слов,
Он повернулся было для отпора,
Но встретил не наивные озера,
А пару злых, отточенных клинков.

— Он сам поймет? Вы так сейчас сказали?
А если у него судачья кровь?
А если там, где у людей любовь,
Здесь лишь проекты, балки и детали?

Он все поймет? А если он плевал,
Что в чьем-то сердце то огонь, то дрожь?
А если он не человек — чертеж?!
Сухой пунктир! Бездушный интеграл?!

На миг он замер, к полу пригвожден,
Затем, потупясь, вспыхнул почему-то.
Она же, всхлипнув, повернулась круто
И, хлопнув дверью, выбежала вон.

Весенний ветер в форточку ворвался
Гудел, кружил, бумагами шуршал...
А у стола «бездушный интеграл»,
Закрыв глаза, счастливо улыбался...

СТУДЕНТЫ

Проехав все моря и континенты,
Пускай этнограф в книгу занесет,
Что есть такая нация — студенты,
Веселый и особенный народ!

Понять и изучить их очень сложно.
Ну что, к примеру, скажете, когда
Все то, что прочим людям невозможно,
Студенту — наплевать и ерунда!

Вот сколько в силах человек не спать?
Ну день, ну два... и кончено! Ломается!
Студент же может сессию сдавать,
Не спать неделю, шахмат не бросать
Да плюс еще влюбиться ухитряется.

А сколько спать способен человек?
Ну, пусть проспит он сутки на боку,
Потом, взглянув из-под опухших век,
Вздохнет и скажет:- Больше не могу!

А вот студента, если нет зачета,
В субботу положите на кровать,
И он проспит до следующей субботы,
А встав, еще и упрекнет кого-то:
— Ну что за черти! Не дали поспать!

А сколько может человек не есть?
Ну день, ну два... и тело ослабело...
И вот уже ни встать ему, ни сесть,
И он не вспомнит, сколько шестью шесть,
А вот студент — совсем другое дело.

Коли случилось «на мели» остаться,
Студент не поникает головой.
Он будет храбро воздухом питаться

И плюс водопроводною водой!

Что был хвостатым в прошлом человек
Научный факт, а вовсе не поверье.
Но, хвост давно оставя на деревьях,
Живет он на земле за веком век.

И, гордо брея кожу на щеках,
Он пращура ни в чем не повторяет.
А вот студент, он и с хвостом бывает,
И даже есть при двух и трех хвостах!

Что значит дружба твердая, мужская?
На это мы ответим без труда:
Есть у студентов дружба и такая,
А есть еще иная иногда.

Все у ребят отлично разделяется,
И друга друг вовек не подведет.
Пока один с любимую встречается,
Другой идет сдавать его зачет...

Мечтая о туманностях галактик
И глядя в море сквозь прицелы призм,
Студент всегда отчаянный романтик!
Хоть может сдать на двойку романтизм.

Да, он живет задиристо и сложно,
Почти не унывая никогда.
И то, что прочим людям невозможно,
Студенту — наплевать и ерунда!

И, споря о стихах, о красоте,
Живет судьбой особенной своею.
Вот в горе лишь страдает, как и все,
А может, даже чуточку острее...

Так пусть же, обойдя все континенты,
Сухарь этнограф в труд свой занесет.
Что есть такая нация — студенты,

Живой и замечательный народ!

«Люблю я собаку за верный нрав...»

Люблю я собаку за верный нрав,
За то, что, всю душу тебе отдав,
В голоде, в холоде или разлуке
Не лижет собака чужие руки.

У кошки-дуры характер иной.
Кошку погладить может любой.
Погладил — и кошка в то же мгновенье,
Мурлыча, прыгает на колени.

Выгнет спину, трется о руку,
Щурясь кокетливо и близоруко.
Кошке дешевая ласка не стыдна,
Глупое сердце не дальновидно.

От ласки кошачьей душа не согрета.
За крохи немного дают взамен:
Едва лишь наскучит мурлыканье это —
Встанут и сбросят ее с колен.

Собаки умеют верно дружить,
Не то что кошки — лентяйки и дуры.
Так стоит ли, право, кошек любить
И тех, в ком живут кошачьи натуры?!

ПУСТЬ МЕНЯ ВОЛШЕБНИКОМ НАЗНАЧАТ

(Шутка)

Эх, девчата! Чтоб во всем удача,
Чтоб была нетленною краса,
Пусть меня волшебником назначат,
И тогда наступят чудеса.

Я начну с того, что на планете
Сразу ни обманов, ни тревог.
Все цветы, какие есть на свете,
Я, как бог, сложу у ваших ног!

Я вам всем, брюнетки и блондинки,
Раскрою на кофточки зарю,
Радугу разрежу на косынки,
Небо на отрезы раздарю.

С красотой будет все в порядке:
Каждый профиль хоть в музей неси!
Ну, а чтоб какие недостатки
Я оставил! Боже упаси!

А для танцев и нарядов бальных
В виде дополнения к красоте
Я вручил бы каждой персонально
По живой мерцающей звезде.

Ну, а чтобы не было примеров
Ни тоски, ни одиноких слез,
Я по сотне лучших кавалеров
Каждой бы на выбор преподнес!

Я волшебной утвердил бы властью
Царство весен, света и стихов,

Чтоб смеялась каждая от счастья
В день от трех и до восьми часов!

Эх, девчата! Чтоб во всем удача,
Чтоб всегда звенели соловьи,
Хлопочите, милые мои,
Пусть меня волшебником назначат!

РАЗРЫВ

Битвы словесной стихла гроза.
Полные гнева, супруг и супруга
Молча стояли друг против друга,
Сузив от ненависти глаза.

Все корабли за собою сожгли,
Вспомнили все, что было плохого.
Каждый поступок и каждое слово —
Все, не щадя, на свет извлекли.

Годы их дружбы, сердец их биенье
Все перечеркнуто без сожаленья.
Часто на свете так получается:
В ссоре хорошее забывается.

Тихо. Обоим уже не до споров.
Каждый умолк, губу закусив.
Нынче не просто домашняя ссора,
Нынче конец отношений. Разрыв.

Все, что решить надлежало, — решили.
Все, что раздела ждало, — разделили.
Только в одном не смогли согласиться,
Это одно не могло разделиться.

Там, за стеною, в ребячем углу
Сын их трудился, сопя, на полу.
Кубик на кубик. Готово! Конец!
Пестрый, как сказка, вырос дворец.

— Милый! — подавленными голосами
Молвили оба. — Мы вот что хотим...
Сын повернулся к папе и маме
И улыбнулся приветливо им.

— Мы расстаемся... совсем... окончательно...

Так нужно, так лучше... И надо решить,
Ты не пугайся. Слушай внимательно:
С мамой иль с папой будешь ты жить?

Смотрит мальчишка на них встревоженно.
Оба взволнованны... Шутят иль нет?
Палец в рот положил настороженно.
— И с мамой и с папой, — сказал он в ответ.

— Нет, ты не понял! — И сложный вопрос
Каждый ему втолковать спешит.
Но сын уже морщит облупленный нос
И подозрительно губы кривит...

Упрямо сердце мальчишечье билось,
Взрослых не в силах понять до конца.
Не выбирало и не делилось,
Никак не делилось на мать и отца!

Мальчишка! Как ни внушали ему,
Он мокрые щеки лишь тер кулаками,
Понять не умея никак: почему
Так лучше ему, папе и маме?

В любви излишен, друзья, совет.
Трудно в чужих делах разбираться.
Пусть каждый решает, любить или нет?
И где сходиться и где расставаться?

И все же порой в сумятице дел,
В ссоре иль в острой сердечной драме
Прошу только вспомнить, увидеть глазами
Мальчишку, что драмы понять не сумел
И только щеки тер кулаками.

ПРЯМОЙ РАЗГОВОР

Боль свою вы делите с друзьями,
Вас сейчас утешить норовят,
А его последними словами,
Только вы нахмуритесь, бранят.

Да и человек ли, в самом деле,
Тот, кто вас, придя, околдовал,
Стал вам близким через две недели,
Месяц с вами прожил и удрал?

Вы общались, дорогая, с дрянью.
Что ж нам толковать о нем сейчас?!
Дрянь не стоит долгого вниманья,
Тут важнее говорить о вас.

Вы его любили? Неужели?
Но полшага — разве это путь?!
Сколько вы пудов с ним соли съели?
Как успели в душу заглянуть?!

Что вы знали, ведали о нем?
То, что у него есть губы, руки,
Комплимент, цветы, по моде брюки —
Вот и все, пожалуй, в основном?

Что б там ни шептал он вам при встрече,
Как возможно с гордою душой
Целоваться на четвертый вечер
И в любви признаться на восьмой?!

Пусть весна, пускай улыбка глаз...
Но ведь мало, мало две недели!
Вы б сперва хоть разглядеть успели,
Что за руки обнимают вас!

Говорите, трудно разобраться,

Если страсть. Допустим, что и так.
Но ведь должен чем-то отличаться
Человек от кошек и дворняг!

Но ведь чувства тем и хороши,
Что горят красиво, гордо, смело.
Пусть любовь начнется. Но не с тела,
А с души, вы слышите, — с души!

Трудно вам. Простите. Понимаю.
Но сейчас вам некого ругать.
Я ведь это не мораль читаю,
Вы умны, и вы должны понять:

Чтоб ценили вас, и это так,
Сами цену впредь себе вы знайте.
Будьте горделивы. Не меняйте
Золота на первый же медяк!

ВСЕ РАВНО Я ПРИДУ

Если град зашумит с дождем,
Если грохнет шрапнелью гром,
Все равно я приду на свиданье,
Будь хоть сто непогод кругом!

Если зло затрещит мороз
И завоет метель, как пес,
Все равно я приду на свиданье,
Хоть меня застуди до слез!

Если станет сердиться мать
И отец не будет пускать,
Все равно я приду на свиданье,
Что бы ни было — можешь ждать!

Если сплетня хлестнет, ну что ж,
Не швырнет меня подлость в дрожь,
Все равно я приду на свиданье,
Не поверя в навет и ложь!

Если я попаду в беду,
Если буду почти в бреду,
Все равно я приду. Ты слышишь?
Добреду, доползу... дойду!

Ну, а если пропал мой след
И пришел без меня рассвет,
Я прошу: не сердись, не надо!
Знай, что просто меня уже нет...

ТРУСИХА

Шар луны под звездным абажуром
Озарял уснувший городок.
Шли, смеясь, по набережной хмурой
Парень со спортивною фигурой
И девчонка — хрупкий стебелек.

Видно, распалясь от разговора,
Парень, между прочим, рассказал,
Как однажды в бурю ради спора
Он морской залив переплывал,

Как боролся с дьявольским теченьем,
Как швыряла молнии гроза.
И она смотрела с восхищеньем
В смелые, горячие глаза...

А потом, вздохнув, сказала тихо:
— Я бы там от страха умерла.
Знаешь, я ужасная трусиха,
Ни за что б в грозу не поплыла!

Парень улыбнулся снисходительно,
Притянул девчонку не спеша
И сказал:- Ты просто восхитительна,
Ах ты, воробьиная душа!

Подбородок пальцем ей приподнял
И поцеловал. Качался мост,
Ветер пел... И для нее сегодня
Мир был сплошь из музыки и звезд!

Так в ночи по набережной хмурой
Шли вдвоем сквозь спящий городок
Парень со спортивною фигурой
И девчонка — хрупкий стебелек.

А когда, пройдя полоску света,
В тень акаций дремлющих вошли,
Два плечистых темных силуэта
Выросли вдруг как из-под земли.

Первый хрипло буркнул:- Стоп, цыпленки!
Путь закрыт, и никаких гвоздей!
Кольца, серьги, часики, деньжонки —
Все, что есть, — на бочку, и живей!

А второй, пуская дым в усы,
Наблюдал, как, от волненья бурый,
Парень со спортивной фигурой
Стал спеша отстегивать часы.

И, довольный, видимо, успехом,
Рыжеусый хмыкнул: — Эй, коза!
Что надулась?! — И берет со смехом
Натянул девчонке на глаза.

Дальше было все как взрыв гранаты:
Девушка беретик сорвала
И словами:- Мразь! Фашист проклятый! —
Как огнем детину обожгла.

— Комсомол пугаешь? Врешь, подонок!
Ты же враг! Ты жизнь людскую пьешь! —
Голос рвется, яростен и звонок:
— Нож в кармане? Мне плевать на нож!

За убийство — стенка ожидает.
Ну, а коль от раны упаду,
То запомни: выживу, узнаю!
Где б ты ни был, все равно найду!

И глаза в глаза взглянула твердо.
Тот смешался:- Ладно... тише, гром...
А второй промямлил:- Ну их к черту!
И фигуры скрылись за углом.

Лунный диск, на млечную дорогу
Выбравшись, шагал наискосок
И смотрел задумчиво и строго
Сверху вниз на спящий городок,

Где без слов по набережной хмурой
Шли, чуть слышно гравием шурша,
Парень со спортивной фигурой
И девчонка — слабая натура,
«Трус» и «воробьиная душа».

НА ПОРОГЕ ДВАДЦАТОЙ ВЕСНЫ

На пороге двадцатой весны
Снятся людям хорошие сны.
Снятся грозы, и летний день,
И застенчивая сирень.

Снятся фильм и ночная звезда,
И целинные поезда,
Пальма снится, и горный грот,
Снится легкий, как пух, зачет.

Снится все: и свиданья час,
И смешинки любимых глаз,
Снятся матчи и гул ракет,
Даже дети, которых нет.

На пороге двадцатой весны
Мне не снились такие сны.
В эту пору в тугих бинтах
Я валялся в госпиталях.

Снов не видел тогда ни я,
Ни гвардейцы — мои друзья.
Потому, что под тяжкий гром
Спали люди чугунным сном.

Но хотя мы там не могли
Видеть этих хороших снов,
Мы их все для вас сберегли,
Пронеся сквозь огни боев.

Донесли в вещевых мешках
Вместе с кладью простой своей.
Вот вам вздох и сирень в цветах
Вам по двадцать и вам нужней!

Далеко позади война.

Нынче мир над страной и весна...
В переулках садов аромат,
Спят ребята, девчата спят.

Спят под звездами всей страны,
Им хорошие снятся сны.
Спите! Добрый привет вам шлю,
Я вас очень сейчас люблю!

За отсутствие пошлых драм,
За мечты и любовь к стихам,
За дела, что для вас легки
Там, где ежатся старики.

Да за то, что я вижу в вас,
Будто в зеркале давних дней,
Крылья, битвы, горячность фраз
Комсомольской души моей!

Кружит ветер вдоль всей страны
Паутинками ваши сны.
Как дневальный в полночный час,
Я незримо пройду средь вас.

Друг ваш добрый и старший брат,
Я поглажу чубы ребят,
И у девушек в головах
Я поставлю сады в цветах.

С неба сыплется звездопад...
Спят девчата, ребята спят...
На пороге двадцатой весны
Пусть красивые снятся сны!

Спите! Добрый привет вам шлю.
Я вас очень сейчас люблю!

«САТАНА»

Ей было двенадцать, тринадцать — ему.
Им бы дружить всегда.
Но люди понять не могли: почему
Такая у них вражда?!

Он звал ее Бомбою и весной
Обстреливал снегом талым.
Она в ответ его Сатаной,
Скелетом и Зубоскалом.

Когда он стекло мячом разбивал,
Она его уличала.
А он ей на косы жуков сажал,
Совал ей лягушек и хохотал,
Когда она верещала.

Ей было пятнадцать, шестнадцать — ему,
Но он не менялся никак.
И все уже знали давно, почему
Он ей не сосед, а враг.

Он Бомбой ее по-прежнему звал,
Вгонял насмешками в дрожь.
И только снегом уже не швырял
И диких не корчил рож.

Выйдет порой из подъезда она,
Привычно глянет на крышу,
Где свист, где турманов кружит волна,
И даже сморщится: - У, Сатана!
Как я тебя ненавижу!

А если праздник приходит в дом,
Она нет-нет и шепнет за столом:
— Ах, как это славно, право, что он
К нам в гости не приглашен!

И мама, ставя на стол пироги,
Скажет дочке своей:
— Конечно! Ведь мы приглашаем друзей,
Зачем нам твои враги?!

Ей девятнадцать. Двадцать — ему.
Они студенты уже.
Но тот же холод на их этаже,
Недругам мир ни к чему.

Теперь он Бомбой ее не звал,
Не корчил, как в детстве, рожи,
А тетей Химией величал,
И тетей Колбою тоже.

Она же, гневом своим полна,
Привычкам не изменяла:
И так же сердилась:- У, Сатана!
И так же его презирала.

Был вечер, и пахло в садах весной.
Дрожала звезда, мигая...
Шел паренек с девчонкой одной,
Домой ее провожая.

Он не был с ней даже знаком почти,
Просто шумел карнавал,
Просто было им по пути,
Девчонка боялась домой идти,
И он ее провожал.

Потом, когда в полночь взошла луна,
Свистя, возвращался назад.
И вдруг возле дома:- Стой, Сатана!
Стой, тебе говорят!

Все ясно, все ясно! Так вот ты какой?
Значит, встречаешься с ней?!
С какой-то фитюлькой, пустой, дрянной!

Не смей! Ты слышишь? Не смей!

Даже не спрашивай почему!
Сердито шагнула ближе
И вдруг, заплавав, прижалась к нему:
— Мой! Не отдам, не отдам никому!
Как я тебя ненавижу!

ПЕЛИКАН

Смешная птица пеликан!
Он грузный, неуклюжий,
Громадный клюв как ятаган,
И зоб — тугой как барабан,
Набитый впрок на ужин...

Гнездо в кустах на островке,
В гнезде птенцы галдят,
Нырять мама в озерке,
А он стоит невдалеке,
Как сторож и солдат.

Потом он, голову пригнув,
Распахивает клюв.
И, сунув шейки, как в трубу,
Птенцы в его зобу
Хватают жадно, кто быстрее,
Хрустящих окуней.

А степь с утра и до утра
Все суше и мрачнее.
Стоит безбожная жара,
И даже кончики пера
Черны от суховея.

Трещат сухие камыши...
Жара — хоть не дыши!
Как хищный беркут над землей,
Парит тяжелый зной.

И вот на месте озерка
Один засохший ил.
Воды ни капли, ни глотка.
Ну хоть бы лужица пока!
Ну хоть бы дождь полил!

Птенцы затихли. Не кричат.
Они как будто тают...
Чуть только лапами дрожат
Да клювы раскрывают.

Сказали ветры:- Ливню быть,
Но позже, не сейчас.
Птенцы ж глазами просят:- Пить!
Им не дождаться, не дожить!
Ведь дорог каждый час!

Но стой, беда! Спасенье есть,
Как радость, настоящее.
Оно в груди отца, вот здесь!
Живое и горящее.

Он их спасет любой ценой,
Великою любовью.
Не чудом, не водой живой,
А выше, чем живой водой,
Своей живою кровью.

Привстал на лапах пеликан,
Глазами мир обвел,
И клювом грудь себе вспорол,
А клюв как ятаган!

Сложились крылья-паруса,
Доплыв до высшей цели.
Светлели детские глаза,
Отцовские — тускнели...

Смешная птица пеликан:
Он грузный, неуклюжий,
Громадный клюв как ятаган,
И зоб — тугой как барабан,
Набитый впрок на ужин.

Пусть так. Но я скажу иным
Гогочущим болванам:

— Снимите шапки перед ним,
Перед зобастым и смешным,
Нескладным пеликаном!